

**ГОРОДА, ГОРЫ, ДОРОГИ...
(ОБРАЗ ГОРОДА
В ФОРМУЛЬНЫХ ПАРОНИМИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЯХ)**

О. И. Северская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Россия, 121352, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Поступила в редакцию 10.07.2022 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-47

В статье анализируются устойчивые сочетания лексики «город» с паронимами, под которыми понимаются близкозвучные слова с общими структурными элементами, необязательно связанные этимологически. Такие устойчивые сочетания, возникающие при ПА и неоднократно повторяющиеся, автор называет формульными. Исследование, представленное в статье, подтверждает предположение, что устойчивые паронимические корреляции объединяют не случайные слова, а своего рода мифологемы. В данном случае речь идет о словах-мифологемах «город», «гора» и «дорога». Они отражают представления о двух типах городов: концентрических, возвышенных на горе, и эксцентрических, находящихся в границах, побуждающих к их преодолению. Прослеживается использование формульных сочетаний «город – гора», «город – дорога», «город – дорога – гора» на протяжении XX – начала XXI века. Исследование выполнено на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка и картотеки «Словаря языка русской поэзии XX в.» корпусным методом, а также методами семантического, синтаксического, текстового анализа.

Ключевые слова: паронимия, паронимическая аттракция, паронимические парадигмы, формульные сочетания, образ города

**1. Город сквозь призму паронимической аттракции.
Предварительные замечания**

Город как феномен и как концепт не раз привлекал внимание и писателей, поэтов и прозаиков, и исследователей. Так, Ю.М. Лотман утверждал, что город представляет собой «котел текстов и кодов, разно устроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» (Лотман, 2010, с. 471). Кроме того, он говорил о концентричности и эксцентричности городских топосов: города концентрического типа географически находятся в центре ойкумены, как правило, на «горах», на возвышенности, по сути дела это посредники «между небом и землей»; города же, относящиеся к эксцентрическому типу, расположены на краю, городская мифология в данном случае ориентируется на истории эсхатологического типа, истории пересечения границ (Лотман, 1984, с. 35). И точность такой классификации отражает паронимическая аттракция, позволяющая соотносить *город* и *гору*, *город* и *дорогу* в сочетаниях, которые можно назвать «формульными».

Определимся с терминами. Паронимическая аттракция (ПА) предполагает взаимодействие паронимов в языковой системе и в контекстах и представляет собой функционально-динамический процесс, приводящий к образованию дискретных лексико-семантических парадигматических структур, потенциально воплощаемых в синтагматике текстов. Паронимами же будем называть близкозвучные слова с общими структурными элементами, которые выделяются в результате предельного / неопредельного разложения слова, вследствие чего и становится возможным их соотнесение как по выражению, так и по содержанию.

Объективность паронимии доказывается и поэтической практикой, а точнее — закономерностью паронимических «формульных» корреляций определенных лексем, сближаемых разными способами, в различных текстах самых разных авторов. Они представляют собой лексико-семантические парадигмы, члены которых, будучи близки по контекстуальным значениям, могут при определенных условиях заменять друг друга (Павлович, 1995, с. 85). При этом, по справедливому замечанию М. Ю. Лотмана (Лотман, 1979, с. 103), устойчивые паронимические корреляции объединяют не случайные слова, а своего рода мифологемы, занимающие центральное положение в индивидуальной лексико-семантической системе. Поэты используют паронимы как языковой строительный материал своего «поэтического мира».

«Формульные» корреляции паронимов уже становились объектом рассмотрения — например, в «Материалах к словарю паронимов русского языка» В. П. Григорьева, Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой, где отмечена и парадигма *гора — город — дорога* (Григорьев и др., 1992, с. 19, 168). Она и будет главным предметом нашего рассмотрения, но в фокус внимания попадут и другие устойчивые сочетания. Исследование выполнено на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ), «Словаря языка русской поэзии XX в.» (СЯРП, 2003) и личной картотеки паронимических сближений.

2. Города — горы

Городов на *горе* в русской поэзии XX—XXI веков не так много. Но они встречаются:

Есть на белой *горе* белый *город*,
окруженный раскаленными песками.
Есть в том *городе* храм золотоглавый,
а внутри прохладная пещера.
[Чухонцев. «Я из темной провинции странник...» (1997—2016)]

и, как правило, ассоциируются с Небесным Иерусалимом (Градом Небесным, как в приведенном примере) или Вавилоном (земным городом, название которого, однако, переводится как «врата Бога»), который либо называется прямо: Вавилон — *город громкий*, / *Город хищный* [Стратановский. Возвращение в Вавилон], либо подразумевается — в противопоставлении соприкасающихся друг с другом *Града* и *города*:

Многим ли дадено
двойное зрение?
Находиться в *ограде*, но
продираться сквозь тернии?
К звёздам ли вправду, к звездам ли,
но *вопреки ограде*,
вопреки патрулям запоздалым
в *городе* и во *Граде*.

[Горбаневская. Метафизика-2],

или грубого слепка с вечного города [Айзенберг «Так любой научится напоследок...»], в котором Вавилон выглядит грубым подражанием городу истинному.

Интересные образы, структурированные паронимически, найдем в стихотворении А. Парщикова «Из города», где эксплицитно представлен земной, обычный *город* — не *на горе*, а *под горой*, на холмах (*Села го-ра парашютом, вдохнувшим земли*), а уже в нем имплицитно — Вавилон (действие происходит в кафе, в районе, чья слава была от садов, а славу Вавилона, как известно, составляли Сады Семирамиды) и Небесный Иерусалим (*Был ли здесь Город великий? — он был, но иссяк*). И весь текст — о вариантах и воплощениях Города и его предыдущего вида, об образе Города в каждом из нас: *ты можешь быть городом, стой!*

В целом *гора* доминирует над *городом*: *Та гора была над городом* [Цветаева. Поэма горы]; но вместе с тем границы оказываются пронизываемыми: *И город скрыли горы В свой сумрак голубой* [Блок. «Голубоватым дымом...»]; *в город с гор ползет туман* [Ахматова. «Не знала б, как цветет айва...»], и *горы* и *города* обмениваются присущими им реалиями: *овцами гор <...> пастись в городах* [Хлебников. «Пастух очей стоит поодаль...»]; *Он [город] с гор разбросал фонари* [Пастернак. «К ногам прилипает наждак...»].

Часто *город* и *гора* обмениваются аттрактантами и привносимыми ими характеристиками.

Естественной выглядит ассоциация *горы* с *громадой*, чем-то огромным аттрактанты связаны общим семантическим компонентом 'значительная величина': *вдали громоздится гора, как огромная птица* [В. Блаженный. «Как же мне не уснуть...»]. *Огромным* (объективно и субъективно) может быть и *город*:

Стояла и не говорила,
мычала, мыкаясь с узлом,
как древнеримская сивилла
в *огромном городе* чужом.
[Чухонцев. «Стояла и не говорила...»]

Полно быть жильцом укротным
в этом доме ледяном,
в этом *городе огромном*,
словно в черепе больном.
[Айзенберг. «Полно быть жильцом укротным...»]

Однако чаще встречаются ассоциации с другим паронимом того же корня — *громом* (*гром* <...> *в грозу города отважны* [Цветков. «На бечевках чье вялое белье...»]) и его производными: у М. Айзенберга *город* конским топотом обращается в *гром* [«Кажется, оба своих полушария...»], у А. Цветкова нечто *в уме прогремело* — и *замерцало в окне, где огне города* [«Ближе к ночи в уме прогремело...»], у С. Стратановского найдем *город громкий* [«Возвращение в Вавилон»].

И *гора*, и *город* связываются с *горем* 'глубокой печалью, скорбью, глубоким душевным страданием'.

Гора — *горе* — устойчивая ассоциация, начавшаяся с «Поэмы горы» М. Цветаевой: *Дай мне о горе спеть: / О моей горе! <...> Дай мне о горе спеть / На вершине горы. <...> Горе началось с горы; гора* наделяется в поэме способностью *горевать* — у этого предиката реализуется и объектная, и инструментальная валентность, а повтор корня *-гор-* дополняется типичным для ПА чередованием сонорных *р/л*: *Гора горевала* (*а горы глиной / Горькой горюют в часы разлук*), *Гора горевала о голубиной / Нежности наших безвестных утр* и т. п.

У последователей М. Цветаевой чаще встречаются ассоциации *горы* с производными *горечь*, *горький*: *горемычное древо тоски... неприкаянный горький орех... на горе...* [Жданов. «Расстояние между тобой и мной — это и есть ты...»]; *И надо б, как сказано, в горы бежать, / Коль скоро вода от польны прогоркла* [Гандлевский. «Поездка: автобус...»]. ПА, связывающая *горы* с *горем*, может быть и имплицитной: *Ты плакала на золотой горе* [Кузнецов] — здесь **горе* представлено своим атрибутом, *плачем*. «Несказанное, оставшееся в подтексте, но неизбежно восстанавливаемое слово-анаграмма получает статус самого существенного семантического элемента», — замечает Л. В. Зубова (Зубова, 1987, с. 20–21), и это говорит в пользу силы имплицитных паронимических связей.

Входит в эту цепочку и этимологически близкий глагол *гореть*: *Не рано ли горят библиотеки? / Восстанье книг, ведомое огнем, / тем горше говорит о человеке, / чем больше напечатано о нем. <...> Священная гора, / где смешаны газеты, унциалы, / разрозненные номера / партийного или парижского журнала / в единый Арарат, в осмысленный массив...* [Кривулин. Пожар в БАНе] и производное от него прилагательное *горячий*: *И через горы подают врагу / Горячую воинственную руку* [В. Блаженный. «Он спал, себя раскинув, как листву...»].

Горе паронимически ассоциируется и с *городом*, семантически «заражая» города и горожан:

*«Горе всем родившимся, потому
что напрасно вы убавляли свет
и напрасно всматривались во тьму».*
<...>

Их немало в нынешних городах
[Кенжеев. «У двери порог. На дворе пророк...»].

Горение городов бывает разным, каждый случай ПА актуализирует свой семантический компонент в значении определяющего образ города паронима с семой 'горение'. Например, *город* может *гореть* 'ярко блестять, сверкать' в лучах заката: *Мы вышли из дому, был город странно пуст <...> И был закат алее / Себя, горящего в последних стеклах дня* [Юрьев. «Мы вышли из дому...»] или же *гореть* 'излучать свет, светиться' ог-

нями фонарей и гаснуть вместе с ними: *ночь и в городе ни огня* [Цветков. «Двадцать третье апреля...»] — в этом примере на подразумеваемое *горение указывает многозначная лексема *огонь* 'пламя / свет / пыль, страсть', а микроконтекст оставляет возможность для любой семантизации. Имплицитная ПА и в других случаях делает возможной игру между буквальным и переносным значениями подразумеваемого глагола *гореть* 'иметь в себе разведенный огонь, поддаваться воздействию огня' и 'быть охваченным каким-либо сильным чувством, страстью', как у Ю. Мориц:

Забывла день, и год, и улицу, и *город*,
 Забыла имя слез, и боли, и любви, —
 Там был такой *костер*,
 такой кипящий холод,
 Что никаких надежд остаться в нем людьми
 [Мориц. «Забывла день, и год, и улицу, и город...»].

ПА, связывая, как правило, ключевые слова в лексико-семантической структуре текста, способствует образованию надтекстовых тропических структур, и в приведенном примере имплицитный пароним *гореть соотносывает параметру основания сравнения в надтекстовых метафорах *город-костер и *костер города (где *костер* 'горящая сущность'). Семантика *горения поддерживается прилагательным *кипящий* 'клокотать и пузыриться при сильном нагревании' и 'быть охваченным каким-либо чувством, страстью' (буквальные значения отражают состояния, связанные по смежности в ситуации, а переносные значения имплицитно и эксплицитно представленных лексем практически совпадают). На поверхностном уровне мы имеем представление о городе и (горящем) костре. На глубинном — представление о городе как пламенеющем костре страстей, на которые указывают и прямо названные имена *слез, боли и любви*. Иными словами, даже имплицитная ПА создает семантико-синтаксическую основу образа.

Еще один общий для *горы* и *города* пароним-аттрактант — *гроб*. Он связывает *гору* с *загробным* миром: *Та гора на мне — надгробием* [Цветаева. Поэма горы]; *духи бродят по синим горам <...> сопричастен и я милосердным загробным дарам* [В. Блаженный. «Словно я после смерти ступил на какую-то землю...»]. Довольно много случаев, когда ассоциация *горы* с *гробом* угадывается по *кладбищенской ограде, вырытой яме, упоминаниям о смерти* и т.д.; при этом неожиданно возникает и образ *горюющей* *кладбищенской глиной горы*: *Отмотай от рулона кладбищенской глины отрез — / там копающий яму надеется выкопать гору* [Жданов], напоминающий образ М. Цветаевой. *Город* же семантизируется как *гроб-саркофаг*: *весь город гроб* [Цветков. «На бечевах чье вялое белье...»], или как нечто смертное, что можно довести до гибели, уничтожить: *Города / Угробят бомбы гениев науки...* [Мориц. «Тирана не поймают никогда...»].

Освоено и соответствие *гора — игра*: *Не забудет гора — игры* [Цветаева. Поэма горы]; *В седых Манхэттенских горах Играй...* [Межиров. «В горах Манхэттена...»]; *на гору взошел снежно-белую / и играл со своей сединой безмятежно...* [В. Блаженный. «Если даже Господь стариком меня сделает...»]. Если у М. Цветаевой *игра* подразумевает практически все множество соотносимых со словом значений, то в других примерах представ-

лена *игра* 'забава, развлечение', а возможно и, по Й. Хёйзинге (2011, с. 194), поэтическая игра воображения, игра духа, игра как творческое состояние. *Город* также может ассоциироваться с такой *игрой*: *Играть мы будем в прятки, <...> В другие города* [Мориц. Волшебный портрет]. Но чаще все же имеется в виду азартная, роковая игра. М. Цветаева в «Поэме горы» использует имплицитную паронимическую аттракцию, которую актуализируют атрибуты карточной **игры*: *Город, где с утра и до ночи мы Жизнь свою – как карту бьем!* М. Айзенберг прибегает к эксплицитному сближению паронимов: *Город, выигранный в казино* [«Девки идут как Бирнамский лес...»].

Паронимическая пара *гора* – **город* воссоздается (благодаря имплицитной паронимической аттракции) во многих случаях по приметам *города* в тексте – ключевым словам, связанным с *городом* метонимически, – *жить* и *телесность*, передающим представление о людях: *Не гора, где жило столько, / что сама земля телесна, / не курганная надстрой-ка...* [Айзенберг. «Не гора...»]; *дом*: *горы последний дом* [Цветаева. Поэма горы]; *Значит, и эта гора, честной землей объята, / уходит в глубины земли, ищет потерянный дом* [Жданов. Гора]; *На недоступную гору <...> / дом подними...* [Айзенберг. «Славный сезонный строитель...»]; *в родимом доме <...> горный запах от моей ладони* [Кузнецов. Воспоминание о горах]. Но в некоторых образах *город* и *гора* связываются эксплицитно, например, в олицетворяющих метафорах: *Посещением обрадуй / городок, идущий в гору* [Айзенберг]. В последнем примере, впрочем, подразумевается и третий аттрактант: **дорога*, ее должен в данном случае осилить *идущий*.

3. Города – дороги

Если концентрический *город* находится *на горе* или *под/за горой* в *ограде* (ср. у Н. Горбаневской в «Метафизике»), то эксцентричность *города*, как уже было сказано, подразумевает преодоление *ограды*, границы.

Эксцентричному *городу* свойственна лиминальность, то есть «состояние жизни на границе, между, в промежутке – не вполне здесь, но и не вполне там», «посередине и между» (Гроф, Гроф, 2000, с. 120), при котором «размытые края представляют не только проблему восстановления порядка, но и возможность поиграть в безграничной и многообразной изменчивости Матрицы Творения» (Там же, с. 125). Лиминальности сопутствует и утрата структуры, и реструктуризация объектов (Савелова, 2012, с. 146).

Это проявляется прежде всего в структуризации городского пространства в сериях однокоренных паронимов с приставками с пространственным значением. При этом ПА отражает структуру как внутреннего пространства: *город – огород* [Горбаневская. «Но что же выше города...»], так и внешнего: *загород – пригород – подгород – город*, а дальше уже *город незримый в воздухе рос / весь напленье невидимых роз / просто снясь* [Юрьев. «Загород черный светом зарос...»].

С преодолением границ ассоциируется *дорога* 'путь, по которому происходит передвижение / само передвижение, путешествие'.

ПА связывает *дорогу* и *гору*, обозначая движение как по вертикали: *О, дорога в гору уже при звездах* [Кузмин. Любовь этого лета] и *Дорога в гору идет...* [Кузмин. «Озерный ветер пронзителен...»]; как и по горизонтали: *Дорога до Ялты / будто роман: / <...> / Сначала / авто / подступает к горам...* [Маяковский. «Севастополь — Ялта»]; *Пролегла песчаная дорога / До сибирских гор* [Есенин. «В том краю, где желтая крапива...»]. При этом и *гора*, и *дорога* маркируют границу: *За горами, лесами, За дорогами пыльными* [Блок. «За горами, лесами...»]. Пространственно они могут пересекаться, когда *горы* располагаются на *дороге*: *Кругом толпились гор отроги, / И новые отроги гор / Входили молча по дороге* [Пастернак. «Здесь будет все: пережитое...»]; или же *дорога* на *горе*: *Ночью на горной дороге...* [Блок. Заклинание]; но могут находиться и в параллельных пространствах: *Долга, крута дорога, / Несчетны склоны гор* [Есенин. «О Русь, взмахни крылами!»].

Движение *дороги* от *горы* также может быть ориентировано по вертикали, сверху вниз: *Стоит огромная гора / Зияет пропасть / Как дыра / Мне в путь давно уже пора <...> Идет дорога в ни Куда...* [Холин. «Стоит огромная гора...»], ср. у Цветаевой в «Поэме горы»: *Говорят — тягою к пропасти / Измеряют уровень гор*), и по горизонтали, за линию горизонта, в непрявленность и небытие: *И, рядясь в берега, это озеро станет / прозревать от равнин и провидеть от гор, <...> и движеньем своим образует дорога / и пространство и миг, уходящий во тьму* [Жданов. «В пустоту наугад...»].

Город, скорее, ограничивает движение *дороги*: *Город дорогу мраком запер* [Маяковский. Облако в штанах]; или «сходит с дистанции», оставаясь в стороне: *Грязный, гремучий, в постель / Падают город с дороги* [Пастернак. Жар на семи холмах].

Встречается и ПА, указывающая на *дорогу* из *города* в *горы*:

Не осталось собак в этом сумрачном *городе*
 И бродячие кошки взирают с опаской:
Не пора ль в неприступные крепости гор уйти —
 От угрозы уйти и недоброй огласки?..
 <...>
 Сколько пролил я слез, ожидая Всевышнего,
 А Господь по сухой обошел их *дороге*..
 [В. Блаженный. «Не осталось собак...»].

Дорога ассоциируется с помощью ПА и с *горем*: *Горю и ночью дорога света* [Анненский. Милая], и с *гореть*: *Еще горят лучи под сводами дорог* [Анненский. Август]; *Песок горел пощечиной, <...> Заушиной дорог* [Пастернак. Баллада]. При этом *горькая дорога* (*дорога горя*) ведет в *город*:

И в *горечи*, спорившей с *горечью* моря,
 Он [Иисус] шел с небольшою толпой облаков
 По пыльной *дороге* на чье-то подворье,
 Шел в *город* на сборище учеников
 [Пастернак. Чудо].

Как можно заметить, корреляция *дорога – гора* субъективно оценивается поэтами как соответствующая истинному пути, преодолевающему земное притяжение и ведущему в мир иной, лучший мир, тогда как другая, *дорога – город* устойчиво ассоциируется с *горем*, путем несправедным, неспособностью преодолеть ограниченность бытия.

4. Выводы

Рассмотренный материал показывает, что паронимическая триада *город – дорога – гора*, которую можно отнести к «паронимическим формулам», отражает мифологические представления о городе и горе и связывает в диалектическом единстве эксцентрические города с концентрическими. Аттрактанты *игра, гореть, горечь, горе, гроб*, в равной степени взаимодействующие с *городом* и *горой*, играют роль общих признаков, проясняющих основания сравнения стоящих за паронимами сущностей, а значит, облегчают образование метафорических конструкций с помощью ПА, а также их верификацию соотносением с реалиями поэтического мира. Можно сказать, что ПА формирует план выражения иконического знака тех или иных фрагментов поэтической реальности.

При этом ПА может быть как эксплицитной, так и имплицитной, восстанавливаемой по контекстуальным синонимам подразумеваемого паронима-аттрактанта или же по словам одного с ним лексико-семантического поля.

Как можно заметить, от устойчивого ядра отходят векторы, формирующие периферию паронимического поля и отсылающие к новациям и синонимичным, также оформленным ПА, «перифразам» ядерных связей. И за счет этого образы «города на горе», «города под горой», «дороги в город / из города / в горы» сохраняются и уточняются.

Список литературы

Григорьев В. П., Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю паронимов русского языка. М., 1992.

Гроф С., Гроф К. (ред.). Духовный кризис: Когда преобразование личности становится кризисом / пер. с англ. А. С. Ригина. М., 2000.

Зубова Л. В. Потенциальные свойства языка в поэтической речи М. Цветаевой. Л., 1987.

Лотман М. Ю. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте // Труды по знаковым системам. Тарту, 1979. Вып. 11 : Семиотика текста. С. 98 – 119.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18 : Семиотика города и городской культуры. Петербург. С. 30 – 45.

Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2010. С. 462 – 484.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 11.07.2022).

Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.

Савелова Л. В. Лиминальный нарратив в современной русской прозе: модель и структура // Русский след в нарратологии : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Балашов, 26–28 ноября 2012 г.). Балашов, 2012. С. 141–148.

Словарь языка русской поэзии XX века. М., 2003. Т. 2: Г–Ж / отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова.

Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и перевод Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб., 2011.

Об авторе

Ольга Игоревна Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6277-9756

Для цитирования:

Северская О. И. Города, горы, дороги... (образ города в формульных паронимических сочетаниях) // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №4. С. 101–110. doi: 10.5922/2225-5346-2022-4-7.

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution (CC BY) (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

CITIES, MOUNTAINS, ROADS... (IMAGE OF A CITY IN FORMULAIC PARONYMIC COLLOCATIONS)

O. I. Severskaya

Vinogradov' Russian Language Institute, RAS

18/2, Volkhonka St., Moscow, 121352, Russia

Submitted on July 10, 2022

doi: 10.5922/2225-5346-2022-4-7

The article analyses the collocations of the lexeme 'gorod (city)' with its paronyms – words that are pronounced or written in a similar way, not necessarily connected etymologically. These collocations, which appear in paronymic attraction and repeated many times, are called formulaic. The research presented in the article confirms the assumption that the stable paronymic collocations do not unite random words but a type of mythologemes – 'gorod', 'gora' and 'doroga'. They reflect the concepts of two types of cities: concentric, elevated on the mountain, and eccentric, located in the boundaries, encouraging to overcome them. The article explores the use of formulaic collocations 'gorod – gora', 'gorod – doroga', 'gorod – doroga – gora' during the 20th and early 21st centuries. The research is based on the material of the poetic subcorpus of the National Corpus of the Russian language and the Card Index of the Dictionary of Russian Poetry of the 20th century. The study employs a variety of methods – corpus, semantic, syntactic and textual analyses.

Keywords: *paronymy, paronymic attraction, paronymic paradigms, formula combinations, city image*

References

Grigor'ev, V. P., Kozhevnikova, N. A. and Petrova, Z. Yu., 1992. *Materialy k slovaryu paronimov russkogo yazyka* [Materials for the dictionary of paronyms of the Russian language]. Moscow: Russian language institute of RAS, 292 p. (in Russ.).

Grof, S. and Grof, C, eds., 2000. *Dukhovnyi krizis: Kogda preobrazovanie lichnosti stanovitsya krizisom* [Spiritual Crisis: When Personal Transformation Becomes a Crisis]. Moscow: Klass, 468 p. (in Russ.).

Huizinga, J., 2011. *Homo ludens. Chelovek igrayushchii* [Homo ludens. The man playing]. Translated by D.V. Silvestrov, St. Petersburg, 416 p. (in Russ.).

Lotman, M. Yu., 1979. On the correlation of sound and semantic gestures in a poetic text. In: *Trudy po znakovym sistemam. Semiotika teksta* [Works on sign systems. Semiotics of the text], 11. Tartu: Tartu State University, pp. 98–119 (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 1984. The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city. In: *Trudy po znakovym sistemam. Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury. Peterburg* [Works on sign systems. Semiotics of the city and urban culture. Petersburg], 18. Tartu: Tartu State University, pp. 30–45 (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 2010. On the metalanguage of typological descriptions of culture. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, pp. 462–484 (in Russ.).

National Corpus of the Russian Language. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (07/11/2022) [Accessed 11 July 2022] (in Russ.).

Pavlovich, N.V., 1995. *Yazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke* [Image language. Paradigms of images in the Russian poetic language]. Moscow (in Russ.).

Savelova, L.V., 2012. Liminal narrative in modern Russian prose: model and structure. In: *Russkii sled v narratologii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russian trace in narratology: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Balashov, November 26–28, 2012, pp. 141–148 (in Russ.).

Slovar' yazyka russkoi poezii XX veka [Dictionary of the language of Russian poetry of the XX century], 2003. Vol. II: G–Zh. Moscow, 800 p. (in Russ.).

Zubova, L.V., 1987. *Potentsial'nye svoistva yazyka v poeticheskoi rechi M. Tsvetaevoi* [Potential properties of language in the poetic speech of M. Tsvetaeva]. Leningrad: Leningrad State University, 87 p. (in Russ.).

The author

Dr Olga I. Severskaya, Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6277-9756

To cite this article:

Severskaya, O.I., 2022, Cities, mountains, roads... (the image of a city in formulaic patronymic collocations), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 4. p. 101–110. doi: 10.5922/2225-5346-2022-4-7.

